

хией¹. Реформы Урукагины действительно были обречены на неудачу, что определялось, разумеется, не слабостью религиозных верований, но исторической невозможностью на длительный срок в условиях роста рабовладения и социальных противоречий восстановить древние примитивные отношения и господство жреческой олигархии.

Разумная политика внутренних преобразований в сочетании с сильной властью и крупными внешнеполитическими успехами представляется Моортгату необходимым условием для успешного разрешения внутренних социальных противоречий. В этом отношении активная внешняя политика и бюрократический государственный аппарат государства Саргона I и Хаммурапи кажутся ему идеальными для поддержания классового мира в стране. Эти мысли Моортгата поразительно напоминают взгляды фашистских теоретиков. Известно, что именно фашизм путем проведения бесстыдной социальной демагогии и главным образом агрессивной внешней политики стремился разрешить все внутренние противоречия буржуазного общества.

Таким образом, концепции обоих авторов очень близки как по своим построениям, так и политической направленности. Их представления об историческом процессе на Древнем Востоке сводятся к идеалистическому толкованию роли отдельных личностей в истории и отличаются стремлением «доказать» определяющую роль идей в развитии общества.

И. А. Стучевский

H. SCULLARD, A history of the Roman World, 753 — 146, L., 1951, 470 стр.

Рецензируемая книга представляет собой второе издание одной из частей семитомной истории греко-римского мира (издание Мегуена). Ее автор, профессор Лондонского университета Скаллард, — один из видных историков Рима в современной Англии².

В первой части книги изложена история Рима с древнейших времен до столкновения с Карфагеном. Внутренняя история Рима в так называемый царский период сводится автором к описанию римских древних учреждений и деятельности семи царей. Для него не существует, разумеется, проблемы возникновения государства в Риме. Говоря о патрициях и плебеях, о реформе Сервия Туллия, автор ни в коей мере не связывает эти вопросы с проблемой возникновения государства. В оценке реформы Сервия Туллия автор присоединяется к Ласту, видевшему в ней преимущественно военные цели (стр. 48). В первой части книги основное внимание уделено описанию войн Рима за завоевание Италии (стр. 64—90 и 108—132), которое расценивается автором как величайшее благо для завоеванных племен и народностей. Скаллард заявляет, что римляне подарили завоеванной Италии «Римский мир», благодаря которому общины не могли больше разорять друг друга и была подавлена партийная рознь внутри каждой из завоеванных общин; «Рим, добывший гегемонию острием своего меча, принял роль судьи и полицейского» (стр. 130). Римское завоевание, по мнению автора, привело к «слиянию различных рас Италии в нацию» (стр. 131).

Оценка значения римского завоевания Италии в книге Скалларда, как легко заметить, отличается стремлением затушевать отрицательные, теневые стороны этого завоевания. Автор, видимо, сознательно закрывает глаза на то, что завоевание Италии Римом способствовало упадку производительных сил и непосредственно привело к

¹ См. И. М. Дьяконов, Государственный строй древнейшего Шумера, ВДИ, 1952, № 2, стр. 13—37.

² Наиболее значительные его работы: «Scipio Africanus in the second Punic War» (1930), «Roman Politics 220—150 B. C.» (1949). Рецензию на последнюю работу см. в ВДИ, 1953, № 2, стр. 141—145.

разрушению развитых в культурном и экономическом отношении городов Этрурии и Великой Греции. Скаллард идеализирует римскую политику в Италии, как бы не замечая жестокости и произвола римских властей. В отношениях Рима с покоренными италийскими общинами автор затушевывает одно из острых социальных противоречий — противоречие между полноправными римлянами и неполноправными италикками. Характерно, что Скаллард без всякого стеснения говорит о полицейской роли Рима по отношению к покоренным италийским общинам, хотя и оказывается бессильным понять, что сами италики в социальном отношении не представляли собой чего-то единого и что «роль полицейского» Рим играл прежде всего по отношению к низам италийского населения, всегда находившимся в наиболее резкой оппозиции римской политике.

История Рима от 264 до 146 г. до н. э. относительно подробно изложена во второй и третьей частях книги; но и здесь она представлена почти исключительно как военно-политическая история. При этом внешняя политика Рима рассматривается автором вне всякой связи с внутренними процессами социально-экономического развития Италии, причем Скаллард стремится защитить Рим от обвинений в агрессивности.

В римской внешней политике этого времени автор различает два периода: первый — от 241 до 197 г. до н. э. и второй — от 197 до 146 г. до н. э. Ни в первом, ни во втором периоде, как утверждает автор, аннексия чужих земель не являлась целью Рима. Если после Первой Пунической войны Рим и сделал территориальные приобретения, то это, по мнению Скалларда, объясняется исключительно тем, что Рим не желал, чтобы этими землями владел Карфаген. Захват Иллирии автор объясняет и оправдывает несколько иначе — римляне должны были иметь в качестве естественной границы Альпы (стр. 171). Стремление оправдать римскую агрессию выявляется особенно рельефно при оценке причин Второй Македонской войны (стр. 234—237). Скаллард считает неприемлемым мнение некоторых историков, что римская политика конца III — начала II в. до н. э. должна быть определена как «агрессивный империализм и милитаризм». О неправильности этого взгляда, по его мнению, свидетельствует то, что Рим не аннексировал Карфагена и не захватил Македонию после победы во Второй Пунической и Второй Македонской войнах (стр. 235). Все же Скаллард высказывает некоторое несогласие с Олло¹, считавшим, что римская политика направлялась альтруистической любовью к грекам, филлэллинизмом, стремлением защитить свободу греков от варваров. Скаллард пытается нащупать среднюю линию между двумя крайностями в определенных римской политике. Эту среднюю линию, которая якобы характеризовала истинное направление римской политики, он называет «оборонительным империализмом» (*defensive imperialism*). Именно эта идея «оборонительного империализма», как утверждает Скаллард, явилась причиной Второй Македонской войны, приведшей к установлению протектората над Грецией «в интересах Греции и Рима». Автор умалчивает о том, что «освобождение» Греции было лишь этапом на пути к ее полному порабощению Римом. В конечном счете римский «оборонительный империализм» захватил все Средиземноморье. Полибий, на которого чаще всего ссылается Скаллард в своей попытке оправдать римскую агрессию, отчетливо понимал, что войны Рима с 264 по 146 г. до н. э. имели целью установление римского господства в Западном и Восточном Средиземноморье.

«Средняя линия» Скалларда мало чем отличается от взглядов Олло. Характерно, что, выступая против обвинения Рима в агрессивности и милитаризме, Скаллард использует те же самые доводы, какие до него приводил Олло. Поэтому отличие взглядов Скалларда от взглядов Олло является скорее отличием терминологического, чем принципиального, характера. Введение термина «оборонительный империализм» в научный оборот далеко не случайно. В современной политической обстановке ширящегося народного движения за мир, в обстановке растущей уверенности широких слоев населения, что империализм и война неотделимы друг от друга, реакционная историо-

¹ M. H o l l e a u x, La politique romaine en Grèce et dans l'Orient Hellénistique au III siècle, RF v. L, 1926.

графия Запада всячески стремится маскировать агрессивные цели и помыслы империалистической буржуазии.

Намеренное искажение причин и характера римских завоеваний неразрывно связано у Скалларда с отрицанием рабовладения как социально-экономической основы римского общества. Автор не хочет видеть заинтересованности определенных слоев римских рабовладельцев в захвате рабов, земли, добычи. На протяжении всей своей работы Скаллард упорно пытается доказать, что не экономические и торговые, а исключительно политические мотивы руководили римской внешней политикой. Ограничительная политика Рима в отношении Родоса после Третьей Македонской войны и последовавшее затем объявление Делоса свободным портом объясняется автором исключительно желанием наказать Родос. От упадка Родоса и возвышения Делоса, как полагает Скаллард, выиграли не римляне, а «восточные элементы» (стр. 319). Римляне якобы также не были экономически заинтересованы и в разрушении Карфагена. Последнее Скаллард, вслед за Карштедтом, объясняет только страхом перед Маспннсою, боязнью, что Карфаген будет захвачен нумидийским царем.

Однако беспристрастный анализ литературных и эпиграфических источников свидетельствует о том, что греки — жители Южной Италии, бывшие агентами римских торговцев и ростовщиков, после римских завоеваний в большом числе утвердились на островах Эгейского моря и что римляне извлекали большую выгоду от деятельности этих агентов. Известно, что разрушение Карфагена и Коринфа, являвшихся конкурентами южноиталийских городов, принесло большие выгоды римским торговцам и ростовщикам, а также и крупными землевладельцам.

Стремление затушевать классовую структуру античного общества приводит автора к критике взглядов тех ученых, которые признают классовый характер римского общества и пытаются выяснить влияние классовой борьбы на внешнюю политику государства. В одном из приложений (стр. 432) автор обрушивается на английского историка древности М. Уэзон, которая в своей книге «Классы и классовая борьба в древней Греции» пыталась объяснить вмешательство Рима в греческие дела тем, что Рим боялся перенесения «социальных беспорядков» из Греции в Италию. Скаллард считает это мнение ошибочным, а предпринятый М. Уэзон анализ социальных отношений в Италии неверным. Не касаясь вопроса о правильности анализа социальных отношений в Италии, данного Уэзон, мы считаем заслуживающим внимания ее стремление рассматривать римскую политику в Греции с учетом острой классовой борьбы, которая происходила там в первой половине II в. до нашей эры.

Усердие Скалларда в борьбе против попыток материалистического объяснения исторического процесса не прошло незамеченным в реакционной буржуазной историографии. В американском журнале «Classical Philology» (1953, № 1) Скаллард удостоился похвалы за то, что он дополнил второе издание своей книги «разумной критикой» взглядов Уэзон.

Восхваляя римский «военный гений», которому якобы многим обязана «современная западная цивилизация», Скаллард намеренно затушевывает факты героизма, проявленного народами Средиземноморья в борьбе с римской агрессией. Так, неудачи римлян в Испании автор приписывает лишь гению Вирриата, а поражение испанцев объясняет «изменчивостью испанского темперамента», которую не учел Вирриат, «подобно Сципиону и Веллингтону» (стр. 294).

Героическая борьба испанского народа против римской агрессии, а также вся последующая его история свидетельствуют как раз о том, что на протяжении всей своей истории испанский народ настойчиво боролся с захватчиками.

Скаллард стремится также оправдать и обелить римскую провинциальную систему, следуя в этом отношении за Ростовцевым. Он находит, что в целом римская провинциальная система была здоровой, а подати умеренными (стр. 320). Свою точку зрения Скаллард пытается подкрепить свидетельством Полибия (VI, 56) о том, что у римлян редки случаи изобличения в хищении. Хорошо известно, что римские судьи, жившие на доходы от грабежа провинций, не проявляли особого рвения в изобличении своих коллег. Однако и известные нам факты ограбления провинций римскими намест-

никами красноречиво свидетельствуют о том, что римская провинциальная система представляла собой хищническую эксплуатацию завоеванных областей и вела к истощению их людских и материальных ресурсов.

В последней части труда Скалларда сосредоточены сведения по экономике, быту и культуре Рима рассматриваемого периода. Если в предшествующих частях книги военная и политическая история была представлена вне связи с экономическим развитием Италии, то в этом разделе экономическая и социальная история изложена почти вне связи с политической, представляя собой как бы приложение к книге. Пытаясь иногда связать экономическую историю с политической, автор модернизирует исторический процесс. В изменениях, происшедших в сельском хозяйстве в результате завоевания Италии, Скаллард видит распространение капиталистической системы, под которой он понимает спекуляцию землей и использование рабского труда (стр. 333). Завоевание Римом Средиземноморья приводит к еще большему развитию капитализма в сельском хозяйстве (стр. 334). Рабству автор уделил лишь две страницы (стр. 352 сл.). Здесь мы не найдем ни характеристики источников рабства, ни понимания отличий раннего, патриархального рабства от классического. На всем протяжении существования рабства автор видит в нем только язву, разъедающую римское общество. Скаллард не видит той значительной роли, которую в Риме III и особенно II вв. играл торговоростовщический капитал. Римские всадники неизменно определяются как «класс капиталистов». Стремление умалить роль экономических факторов в истории побудило Скалларда утверждать, в отличие от других модернизаторов, что интересы «класса капиталистов» не играли сколько-нибудь значительной роли в направлении римской политики. На самом же деле римские всадники, отражавшие интересы римского торгового и ростовщического капитала, играли в этот период очень значительную роль, толкая римское государство на захватнические войны. Деятельность Катона Старшего, а впоследствии Гая Гракха, не может быть понята без учета сильного влияния, которое оказывало складывающееся всадническое сословие на внешнюю и внутреннюю политику Рима.

Работа Скалларда дает еще один пример деградации современной буржуазной науки. В страхе перед народными массами буржуазные ученые дошли до того, что чураются слов «классовая борьба» и стремятся путем фальсифицированных и подтасованных исторических параллелей с древностью оправдать систему колониального грабежа и захватнические войны.

А. И. Немировский